

УДК 821.161.1

М. Шолохов и В. Шукшин – протагонисты духовного возрождения России

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,

Донская академия наук юных исследователей им. Ю.А. Жданова,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 55;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья является заключением в монографии «Духовные традиции русской цивилизации: М. Шолохов и В. Шукшин». Она посвящена характеристике места и роли двух великих художников слова, определивших их миссию вершителей судеб русской литературы и культуры. Нравственные богатыри с глубоко русским самосознанием, они остановили губительный процесс утраты национального лика России, стали выразителями дум своего и нынешнего времени, протагонистами нового возрождения русской духовности.

Для цитирования в научных исследованиях

Стопченко Н.И. М. Шолохов и В. Шукшин – протагонисты духовного возрождения России // Культура и цивилизация. 2015. № 3. С. 37-58.

Ключевые слова

Протагонисты духовного возрождения, русское самосознание, эпоха Шолохова, эпоха Шукшина, символ единения народа, выразители духовных и социальных исканий, русская точка зрения, богатство души, осознание своего предназначения.

«За спиной его – Россия, он – сын ее и слезами обливается за нее, болью ее горит, тоской ее тоскует, и вопрошает, вопрошает без устали. Идея его – такая огромная идея, что заранее можно сказать, что не вынесет он ее, как не вынесут тысячи других писателей, сгорит, но нам в наследие великую думу оставит».

Александр Блок

Введение

Александр Блок не мог предположить, что, чувствуя своего старшего современника Д.С. Мережковского, поэта и прозаика, мэтра символизма Серебряного века и соперника И.А. Бунина за приз А. Нобеля (1933), он говорит в большей мере о собратях по перу совершенно другой русской эпохи – о Михаиле Шолохове и особенно о Василии Шукшине. Именно они, нравственные богатыри с глубоко русским самосознанием, остановили гибельный процесс утраты национального лика России в культуре и стали властителями дум своего времени, *протагонистами* нового возрождения русской духовности, прося своим творчеством самую высокую нравственную ценность – искреннее чувство любви к Родине как форму защиты и понимания судьбы своего народа. Их имена, приобретшие мировую славу, неразрывно связаны с историей русской литературы и культуры XX–XXI веков как живое свидетельство их идейно-художественной зрелости, торжества эстетических принципов искусства реализма, как утверждение важнейшей социальной значимости *русской национальной идеи* в опоре на традиции общинного духа. Именно эти качества дали основание Валентину Распутину правомерно утверждать: «Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предьявлять всю художественную мощь вместе с духоподъемной силой *возрождающегося национального бытия*» [Распутин, Кожемяко, 2011, 34-35].

Многожанровое наследие Шолохова и Шукшина объединено глубоким внутренним смыслом, позволяющим говорить, что для каждого оно, собствен-

но, как одна Книга о судьбах нашего великого и многострадального народа на разных этапах его драматического пути. У каждого из них – своя большая книга, отразившая в художественных образах и картинах мощные социальные события, узловые моменты русской культуры-цивилизации, потому они изначально были обречены *на судьбу*, а не на биографию... Современник и собрат по перу Валентин Распутин справедливо утверждал: «Художнику не годится быть сезонным работником, нанятым за определенную плату... Наверное, он должен ощущать в себе весь прежний исторический и духовный опыт своего народа, его историческую направленность в будущее, он и в настоящем должен различать черты временного и вечного» [Распутин, 1994, т. 3, 413]. В отзывах писателей-современников о них всегда есть свежее, пронизательное суждение благодаря профессиональному взгляду. Так, Иван Катаев справедливо отметил еще в 1930-е годы: «Шолохов – единственный из нас, кто, по-моему, живет так, как нужно, и иногда мне кажется, что *он один работает за нас всех*» [Катаев, 1935, 186]. Шолохов, делал правомерный и далеко идущий вывод Алексей Толстой, «быть может, *начинает новую народную прозу*, скрепляя ее со старшими богатырями; «Тихий Дон» будет в нас жить и будить глубокие переживания и большие размышления» [Толстой, 1961, т. 10, 465]. Именно так и сложилась по большому счету история освоения и бытования великого романа в научной и читательской аудитории всего мира.

Есть все основания утверждать, что XX и XXI столетия проходят под знаком пристального внимания научной, писательской, читательской, кинематографической аудитории нашей страны и зарубежья к судьбам и творчеству Шолохова и Шукшина, что правомерно содействовало появлению метафорических понятий «эпоха Шолохова» (В. Бондаренко) и «эпоха Шукшина» (С. Герасимов). Оба они на сегодня – великий *русский национальный миф*. Первый из них – такой же, как Шекспир и Данте, Бальзак и Толстой, Сервантес и Гёте, Байрон и Пушкин. Замыслом великого «Тихого Дона» он опередил свое время. «Лишь «Тихий Дон» без всякой идеологической окраски, с природной художественной цельностью вел своего читателя к народному единению, русскому соборному *возрождению общества*. В каком-то смысле шолоховский эпос – это и вечная история России с ее стремнинами и водоворотами, с ее плавным

течением, безмерной ширью и резкими разворотами своей судьбы. Память о Шолохове и его героях чтут все русские люди. Он стал одним из подлинных символов русскости в ее самом чистом возвышенном духовном смысле. Он сражался за Родину!» – справедливо констатирует писатель-публицист В. Бондаренко [Бондаренко, 2005, 3].

Оба художника всю жизнь свою, без громких слов, «числились по России», благодаря глубокой внутренней связи с русской землей, народом, его культурой и историей, что сформировало их *выразителями духовных и социальных исканий* русского народа в эпоху революционных изменений общества. Шолохов и Шукшин – каждый как явление отечественной культуры – «созданы» своей эпохой-цивилизацией, но ведь XX и начавшийся XXI век во многом образовались, одухотворились, активизировались *благодаря* их самоотверженной деятельности. Не случайно жизнь русского народа все-таки определялась и определяется скорее по «Тихому Дону», «Поднятой целине», «Судьбе человека», роману о Степане Разине, впечатляющим шукшинским мужикам. Они вобрали в себя всю Россию, все ее народные переломы, взлеты и трагедии, печали и надежды... Шолохов и Шукшин – *символ единения* нашего народа: они, несомненно, сплывают его духовно, идейно и нравственно. Их нравственная сила еще и в том, что через сугубо русское, национальное они убедительно передали и всечеловеческое.

Русская тема в творческом сознании Шолохова и Шукшина

Ведущей чертой *русской национальной идеи*, постоянно питавшей их творческое сознание, является ее обращенность в будущее. «Открытым» финалом и немим вопросом к грядущему завершается трагедия Григория Мелехова, судьбой которого Шолохов раскрыл сложную философскую проблему взаимоотношения личности и народа, ее места в социальной борьбе. Тревожным взглядом смотрит Шолохов в будущее после ухода из жизни «дорогих его сердцу» героев «Поднятой целины», которым уже «отпели донские соловьи»... Глубинные пласты романа даже сегодня до конца еще не осмыслены, поэтому одной из важнейших обсуждаемых в нем проблем является *диалектика прошлого и бу-*

дущего. Желанное будущее он утверждает в детях, в возгорании новой жизни, в новом поколении: таковы Мишатка Мелехов в «Тихом Доне» и Ваня в «Судьбе человека», таковы рано возмужавшие дети в «Донских рассказах». «Это будущее, – утверждал ученый-химик и культуролог Ю.А. Жданов, – сплетено у писателя с верой в торжество лучшего жизненного начала в человеке, с верой в единство потока человеческой судьбы и прекрасного мира природы, с верой в идеалы братства, сотрудничества, взаимопомощи людей» [Жданов, 2005, 117]. Однако сам потенциал шолоховских творений и заветов человечеству по большому счету все же «миром до конца не осмыслен» [Небольсин, 2012, 253].

Магией слова и кино, сыновней тревогой за судьбу своего народа они тронули струны в сердцах многих современников и потомков, в душе народной. Это *русские самородки* в литературе и кинематографе, убежденные проповедники русскости и национального возрождения. Они оставили наследие, которое вошло в духовный обиход всего человечества: их чаще других издают, о них ведутся и сегодня постоянные острые дискуссии – значит, читают, смотрят, думают... Никому из писателей-современников не досталось на долю столько похвал и обвинений, нескончаемых споров и множества мнений, сколько их досталось Шолохову и Шукшину... Только такие художники имели моральное право быть самыми *суровыми судьями* своего времени, ибо ими двигала безграничная любовь к Отечеству и народу.

Эпически-изобразительная проза писателей и их впечатляющие персонажи зачастую неоднозначны, имеют разные интерпретации, вследствие чего многие исследователи долгое время не понимали полностью философскую глубину произведений, масштабность некоторых их образов и идейно-эстетического новаторства, в частности в «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Калине красной», в рассказах «Чужая кровь», «Срезал», «Забуксовал» и других. По данной причине споры вокруг их творений – *свидетельство силы и значимости* художников, где решающей является исходная идейно-эстетическая позиция участников, – не прекращаются и поныне. «*Русская точка зрения на жизнь – точка зрения большого искусства*», – справедливо утверждал крупный отечественный литературовед и культуролог Н.Я Берковский [Берковский, 1989, 318]. В очередной раз данный факт подтвердили оба наших классика.

Никакие элитарные импровизации, никакая эрудиция не способны дать культуре тех простора и простоты, естественности, сочности и мощи, какие приносят в нее приехавшие из казачьей станицы и сибирского села внешне простоватые парни, если они, творческие натуры, объективно осознали значение и назначение своего дарования. Первый шаг подлинно талантливому человеку из провинции – проявить независимость, самостоятельность своей натуры, не имитировать внешне столичные манеры, а сохранить в своей жизни дарованное ему от рождения и воспитания *богатство души*. Такую самостоятельность высочайшего уровня проявили Михаил Шолохов и Василий Шукшин, которые с первых шагов своего творческого пути начали *осознавать свое предназначение*, что позволило им стать выразителями народной души, которую они знали и сумели передать в литературе, кино и театре. Они постигли нравственное и социальное течение русской жизни и, оказалось, попутно решали мировые проблемы, когда через глубоко национальное, подчеркнем еще раз, выходили на всечеловеческое, что обеспечило им планетарное признание.

Не раз будем обращаться к урокам певцов России!

В наше сегодняшнее время порушенной нравственности, справедливости и навязывания новых ценностей, когда всем пока правит расчет и выгода, мы вновь и вновь, испытывая жгучую потребность, не раз будем *обращаться к урокам* Шолохова и Шукшина. Если раньше казалось, что их жизнь и творчество – только личностный урок, то сегодня становится все яснее, насколько важны были они для нашего *национального развития самосознания* и новаторских открытий в литературе и кинематографе. Так, известный современный писатель В. Распутин с тревогой и беспокойством размышляет о духовности нашей периода монголо-татарского ига или Смуты XVII века, когда никакой другой народ не смог бы выдержать тех испытаний, но и они не идут ни в какое сравнение с лихолетьем России конца XX столетия. «Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека – в вере, идеалах, в нравственном и духовном прямостоянии... Но гораздо страшнее психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные усло-

вия, *обесценивание и обесцеливание человека*, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом» [Распутин, Кожемяко, 2011, 43].

Современная эрозия русского духа, русского характера и языка, с горечью констатирует петербургский философ А.А. Корольков, проходила при «добровольном и даже каком-то воодушевленном отказе от национальных ценностей». Идея прогресса, внушенная Новым временем, эпидемией поразила русскую деревню, казалось бы, самую консервативную по своему образу бытия. «Наше время породило еще и загадку эмиграции без эмиграции, – правомерно утверждает он, – мы становимся худшей эмиграцией на собственной земле, предавая традиции» [Корольков, 2006, 499].

Шолохов и Шукшин проявили редчайшую устойчивость по отношению ко всякому конформизму, неся в своем творчестве позицию *глубинной народности*. Их своеобразие как творцов, поразительное единство художественного мира базируются, прежде всего, на неповторимой, цельной личности каждого, выросшей из народной среды и сумевшей выразить основное направление духовной жизни народа. Потому явно закономерно их чувствовали как близких все слои советского и постсоветского общества, их читали и читают, смотрят авторское кино одного, инсценировки и экранизации произведений обоих, с радостью узнавая открывшуюся *собственную русскую душу*. Несмотря на невероятную трансформацию нашего общественного сознания сегодня, устареть Шолохов и Шукшин *не могут*, ибо в их художественном наследии осязимо живое биение пульса русской культуры, обширный духовный материк, мощно звучащий как в прозе, так и в лирическом венке поэтов России о них.

Их, художников, *нравственный подвиг* состоит еще и в том, чтобы достойно представлять народ на избранной стезе творческой деятельности. В скорбные февральские дни прощания с Шолоховым (1984) В. Распутин находит глубоко искренние слова признательности старшему современнику: «Шолохов навсегда войдет в *наше ощущение Родины*, духовной ее мощи, которая высказалась в нем именно тогда, когда больше всего это было необходимо. Когда потребовалось на весь мир подтвердить, что живо у нас народное слово, что не повредился в испытаниях и битвах здоровый природный нрав русского мужика и что по-прежнему на этой древней земле всему голова хлебушко, во имя которого

приходится принимать и ратные труды» [Распутин, 1984, 4]. Проницательно и весомо сказано.

«Шукшин был спланирован природой на большие дела»

Два творца жили и работали на пределе своих человеческих возможностей. Шукшин убедительно высказался на сей счет: «Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжен и собран... Это может плохо кончиться, могу треснуть от напряжения» [Шукшин, 2009, т. 8, 281]. Он тянул, как говорится, сразу «три воза», но в конце своей жизни, по шолоховскому примеру, все чаще связывал свое будущее лишь с литературой. В интервью последних месяцев своего земного бытия он пытался убедить самого себя в таком решении, но на самом деле он (и в этом суть его недюжинного дарования) не мог не тянуть эти самые «три воза», три синтетические ипостаси! «Шукшин как личность по своим масштабам *значительно больше того, что он сделал*, – проницательно резюмирует в своих воспоминаниях Г. Бурков. – Он был спланирован природой на большие дела. Он вождь, лидер. Он был рожден вождем, вот таким *духовным центром*. Как настоятель такого вот монастыря веры... Все рельефнее прочерчивалась траектория пути Шукшина: стремление проникнуть в душу, изуродованную злом, понять неправого. Попытка через собственный уникальный опыт прийти к всеобщей нравственной истине. Не выпрямляя пути, не облегчая задачи, выстрадать добро. Он уже вступал в новый этап, начинал *трудное восхождение* – от накопления бытовых подробностей к высотам философских обобщений. Тяготясь теснотой сюжета, он рвался на простор «свободного размышления» [Бурков, 1998, 258-259]. Самобытность личности Шукшина-художника такова, что он не только «играл без грима и писал без грима» (С. Залыгин), но и вторгался в чужие художественные миры, как Шолохов в 1920-е годы, казалось, не меняя, не подчиняя им собственный.

Они не умещались в приблизительные определения «писателей-деревенщиков», «мастеров социалистического реализма» или «творцов областной литературы». И это потому, что не только казачье-крестьянская страда, сельский

колорит, донские и алтайские пейзажные краски были ведомы им, но само Время «красной цивилизации» – героическое, великое и вместе с тем жестокое, опасное, калечившее судьбы их персонажей и самих авторов...

Приверженцы и заложники Правды

Размышляя о Шолохове и Шукшине как творческих личностях, всякий раз мы приходим к выводу о накрепко объединяющих их исторических, мировоззренческих и творческих скрепах, связанных с *возрождением традиционной нравственности*. И вместе с тем фиксируем существенное отличие младшего современника от старшего в специфике его дарования и отраженных в нем новых тенденциях литературного и культурного процессов второй половины XX века. Не менее существенным является и то, что они были не только приверженцами, но и *заложниками Правды*, дав каждый свою формулу ее толкования – «искусство правды жизни» и «нравственность есть Правда», дорого заплатив за нее. «Высокая правда» в жизни и искусстве, творческий завет молодым литераторам «проверяйте литературу жизнью» ставились Шолоховым в один ряд с самыми общими проблемами бытия в философском аспекте и приобретали самостоятельное значение как эстетический аналог. Нравственный ориентир предстает определяющим в системе жизненных и эстетических оценок старшего современника. Именно нравственность формирует «очарование человека» и выступает его высшей мерой. Неутомимые искания в масштабах вечных категорий человеческого духа вывели известную шолоховскую формулу – «искусство правды жизни». Величая писателей «совестью народа», он подчеркивает, что «в народных массах живет и сохраняет право на дальнейшую жизнь только то искусство, которое служит интересам народа» [Шолохов, 1975, 61, 80]. Шукшин находит свои проникновенные слова: «Литература есть Правда. Откровение. И здесь абсолютно все равно – кто смелый, кто сложный, кто «эпопейный». Есть правда – есть литература» [Шукшин, 2009, т. 8, 226].

Как ни покажется странным, масштабность творчества Шолохова и Шукшина *впервые* определили на Западе (подробнее о восприятии творчества

В. Шукшина в США и Великобритании см.: [Стопченко, 2012]). «Величием своего замысла, многообразием жизни и проникновенностью воплощения» «Тихий Дон» напоминал писателям Беле Иллешу (Венгрия) и Францу Вайскопфу (Германия) «Войну и мир» Л. Толстого [Illés, 1929, 261; Weiskopf, 1929, 34]. Некоторые западные слависты увидели в «странных людях» Шукшина «крестьян с душой интеллигентов» [Nemes Ignashev, 1988].

В богатой палитре мирового театра и экрана есть актеры, играющие страсти, страдания, а есть и сгорающие в страданиях на сцене. Шукшин принадлежал ко второму типу: он не умел играть и описывать, не страдая, он жил в тех страданиях, соединенных с самоожжением, с погружением в жизнь героев, проблемы которых становились проблемами самого Шукшина. «Какое-то пророческое слово – совесть, – отмечал в своих мемуарах Г. Бурков. – Наша совесть – Шукшин останется *нашей совестью*. Он не мог жить «со стороны», он сгорал в каждом созданном им образе, сердце было болеющее, ранимое. Оставил на земле «незримый долгий след», завещал любить правду, выискивать и обретать ее. Шукшин весь в *нашем духовном будущем*... Шукшин войдет (уже вошел) в кровь нации. Значит, навсегда... Шукшина нельзя читать в «лицах», его можно читать только в «мировоззрениях», доведенных до крайней точки кипения» [Бурков, 1998, 248, 250]. Проницательно понимая духовную суть Шукшина-человека и художника, его младший собрат по перу Валентин Распутин впечатляюще утверждает: «Если бы понадобилось явить *портрет россиянина по духу и лику* для какого-то свидетельствования на всемирном съезде, где только по одному человеку решали судить о характере народа, сколь многие сошлись бы, что таким человеком должен быть он, Шукшин. Ничего бы он не скрыл, ни о чем бы и не забыл» [Распутин, 1989, 4].

Философы в русской традиции

«Профессиональный философ» ассоциируется с дипломированным, с прикреплённостью к академическим и университетским ведомствам, справедливо фиксирует А.А. Корольков. У Шукшина встречаем иное, глубоко верное определение профессиональности в искусстве, относящееся в основной своей на-

правленности и к профессиональности в философии [Корольков, 2006, 501]. Не случайно у него есть кредо художника и мыслителя: «Хочешь быть мастером, махай свое перо в правду. Ничем другим больше не удивишь» [Шукшин, 2009, т. 8, 283]. Никогда не принимая формального новаторства в искусстве, он искал в своих ипостасях кратчайшие пути к Правде о человеке. Потому он скажет убежденно как выстраданный опыт: «А ведь, в конечном счете, услышан тот, кто сказал то, что хотел сказать *искренне и серьезно*, как и следует говорить» [Шукшин, 1981, 186]. Шукшин, как и его старший современник, понимал, что культуру творят не только талантливые одиночки, но и все люди, создающие, разделяющие нравственно-этические принципы, творящие мир целесообразных вещей и идей. «Цель искусства, на мой взгляд, заключается в том, чтобы помочь человеку познать жизнь и самого себя, сделать людей гуманнее, возвышенней, благородней. Подлинное искусство всегда зовет к совершенству, всегда правдиво и совершенно» [там же]. Как перекликается его мнение с нобелевским высказыванием Шолохова: «Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества. Если мне это удалось в какой-то мере, я счастлив» [Шолохов, 1975, т. 8, 346].

Идея у Шукшина всегда нерешенная, проблемная, потому особенно значима в художественном, философском и жизненно-практическом смыслах. Иногда проблемность упрятана в движении души, судьбы, порой в противоречиях мысли, характера, порой в неразрешимости обстоятельств, в роковом стечении случайностей. Крайне редко он дает ответ в самом рассказе, но ответ этот и не ответ вовсе, а опять-таки вопрос самому себе и дотошному читателю, это скорее ответ-размышление, чтобы вопрос, мучивший Шукшина, случайно не упустили, чтобы мыслью зацепились за нехитрую на первый взгляд ситуацию.

Постоянное художническое и человеческое внимание Шолохова и Шукшина, осознающих высший смысл человеческого бытия – созидательный труд, обращено к *крестьянину*, который труженик по образу своей жизни, но и вольный, свободный человек, несмотря на всю занятость, надсадность труда в собственном и общинном хозяйстве. Правда человеческих отношений, правда души – это и есть воля, свобода, *ключевые слова* в творчестве художников. На-

звание романа «Я пришел дать вам волю» равнозначно другому убеждению: «Я пришел дать вам правду», ибо «нравственность есть Правда» и создать на земле нравственные отношения – значит обеспечить господство Воли (свободы) и Правды [Корольков, 2006, 504].

Родство двух художников – Михаила Шолохова и Василия Шукшина – и в том, что старший современник зафиксировал наметившуюся у младшего линию художественного осознания *спасительной миссии совести*: их персонажи во времена невероятного духовного измельчания спасли совесть народа, отогрели его душу, вдохнули силы. «Шолохов развил лучшие традиции русской и мировой культуры; причем, развивая эти традиции, он не остался только учеником либо последователем, а в ряде отношений поднялся на наивысший в мире уровень, – правомерно отмечает сегодня С.А. Небольсин. – Поэтому естественно, что Шолохову наследовали лучшие писатели мира в России и СССР от Ю. Бондарева, В. Шукшина и В. Белова с В. Распутиным до Ю. Кузнецова... Художественный мир Шолохова содержит *предсказание судеб* России XXI в. и III-го тысячелетия» [Небольсин, 2012, 253, 257]. Справедлива проницательная точка зрения!

Творческая судьба Шолохова наглядно свидетельствует о том, что наш народ избрал его на исторических перепутьях своим голосом и своей совестью. В светоносном даре самого писателя передать вековечные думы и чаяния народные прозорливо увидел В. Распутин его предназначение и сердцевину художественного мира. «Высмотрев в своем народе, Россия не случайно подняла Шолохова до первого голоса, способного талантливо и доступно передать суровую правду о ее нелегкой судьбе – он был плоть от плоти России и мысль от мысли её... Шолохов навсегда войдет в наше ощущение Родины, духовной ее мощи, которая выказалась в нем именно тогда, когда больше всего это было необходимо» [Распутин, 1984, 4]. Эффект высшей правды породил в шолоховском Слове искусство и жизнь, нерасторжимо соединив их так, что граница между этими сферами неуловима. В этом высшем качестве художника фиксирует С. Залыгин творческую оригинальность Шолохова, показатель истинного реализма, когда преодолевается извечный конфликт искусства и жизни, рождая залог вечности искусства. «Только выдающиеся памятники литературы

способны жить в веках одновременно в этих двух ипостасях, выражая собою и непревзойденное мастерство слова, и совершенно точно повествуя о том, «как было» – какими были действительные события и действительная жизнь, которая сама по себе, может быть, не имела понятия о художественной литературе и как бы даже была отчуждена от нее» [Залыгин, 1982, 205].

В творчестве Шолохова и Шукшина *душа* – «очарование человека» – предстает важнейшей основой всего человеческого в человеке. В документальном рассказе «Кляуза» его писательская душа криком исходит и в его конце – вопрос вопросов для мыслителей любой квалификации: «*Что с нами происходит?*» «Василий Шукшин, если угодно, преподавал урок современным ученым, выразив острейшие вопросы, которые призвана решать ныне нравственная философия. Он прокладывал дорогу иным формам философствования, чем те, что приняты академически ориентированной традицией» [Корольков, 2006, 500]. С этим мнением солидарен другой исследователь: «В нем был какой-то очень важный пророческий всплеск, выход национальной энергии, совести, нравственности. Явление здоровья нации и ее же болезни... К двум извечным русским вопросам он, незадолго до смерти, добавил третий, может быть, самый русский в своей беспощадной нелюбовности: «*Что с нами происходит?*» И вопрос этот вырвал нас, наконец, из обрыдлой дурной бесконечности прежних опереточных высказываний на тему «Что делать?» и «Кто виноват?» [Красников, 2002, 232-233].

Шукшин обнажил различие подлинности и имитаторства в столь важных для России последних двух столетий *понятиях интеллигенции и интеллигентности*. В его рабочих записях есть потрясающее прозрение: «О Разине. Если в понятие интеллигентности входит болезненная совесть и способность страдать чужим страданиям, он был глубоко интеллигентным человеком» [Шукшин, 2009, т. 8, 284]. С тех пор как писатель и драматург П.Д. Боборыкин удачно предложил миру понятие интеллигенции, полагает А.А. Корольков, оно позволяло выделить слой образованных людей, работников умственного труда. Постепенно новое понятие набирало силу, и самоопределился иной его смысл: интеллигентность стала противопоставляться невоспитанности, бестактности, грубости, а последнее обнаруживалось подчас в среде людей образован-

ных, то есть образовательные мерки оказывались не самыми решающими. В то же время интеллигенцией по сложившейся за столетие традиции по-прежнему именуют врачей, учителей и т.д. Когда грани физического и умственного труда становились все более зыбкими, выяснилось, что какая-то совокупность профессий не совпадает с феноменом интеллигентности. Показная и действительная интеллектуальность, сопряженная с высокомерием, снобизмом, стала иногда приниматься в народе за интеллигентность, в результате появилось недоверие и даже презрительное отношение к интеллигенции.

Так, Ю.А. Жданов, давая отповедь утверждениям недоброжелателей о Шолохове будто бы «писателе-неинтеллигенте», утверждал, что, хотя проблемы научной истины не обсуждаются на страницах шолоховских книг, произведения его «прямо направлены научной интеллигенции, как и интеллигенции в целом, обращены к ней». Ибо именно Шолохову, как когда-то в лице Л. Толстого, человечеству удалось с наибольшей глубиной дать «художественный ответ на вопросы своей эпохи». И если в лице корифея XIX века человечество сделало шаг вперед в своем художественном развитии, то Шолохов сделал следующий шаг. Мысль Ю.А. Жданова логически обобщает все сказанное русским классиком-современником, романы которого – «воссоздание определенного мира, где раскрывается богатство психологических, общественных отношений людей, так что эти романы становятся *энциклопедией жизни*» [«Тихий Дон»: уроки романа..., 1979, 83]. Шолохов, как и Шукшин, внес свой активный вклад в формирование *науки о культуре*, ибо именно культура есть синтез всех форм жизнедеятельности человека. В его творчестве, справедливо подчеркивал Ю.А. Жданов, автор деятельностной концепции культуры в современной науке, «мы видим это удивительное сочетание художественной правды, психологизма, историко-социологического отражения действительности, политического отношения к ней и, наконец, научного обоснования наших идей» [там же, 84]. Наследие русского гения послужило опорой глубоким выводам крупного литературоведа П.В. Палиевского: «Для понимания того, что с нами происходит, нам *достаточно в общенародном сознании – Шолохова*, в невидимой области духа – Булгакова. С этими двумя Михаилами мы уже как-нибудь переберемся в XXI век, а там посмотрим...» [Палиевский, 1993, 31].

Задачи духовного возрождения России

Новое время поставило перед нашими соотечественниками поистине судьбоносные вопросы, касающиеся состояния духа и нашей нравственности, что едва ли не главнее экономических: каков человек – таковы и дела его. Среди интеллигенции (не будем оспаривать ее исконное право пострадать за людей) витает не мысль даже, скорей боль-недоумение: «Где же вы, сыны Отечества?!». Люди сильного нравственного потенциала рассматривают собственное благополучие как дым и тлен, для них служение Отечеству не средство стяжания славы или благ материальных, а единственный и безусловный смысл жизни [Корольков, 2006, 509]. Или все мы – строители нереальных воздушных дорог из фильма «Печки-лавочки», проглядевшие Родину, мелькавшую за окном черно-белыми березами? И некому противостоять злу, убивающему в «Калине красной» среди черно-белых берез вовсе не героя В. Шукшина, а саму, казалось бы, *надежду*... «Меня не покидает ощущение, будто все эти годы мы жили эмигрантами в своей стране. В чудовищной лжи, когда черное выдавалось за белое, белое – за черное. Жили, по-настоящему не зная размеров наваливающейся беды. Только сердце у таких людей, как Шукшин, болело. И ушли многие прежде своего века...» [Бурков, 1998, 268].

Шолохов и Шукшин, фигуры не только великие, но и трагические, писатели ранимой души, напряженно размышлявшие о судьбе своего народа, сумели сказать глубокие, прочувствованные слова о ключевых понятиях Правды и Нравственности. Без Шолохова и Шукшина нет полноты России... Их мировидение, духовно-нравственная, *осветленная православным сознанием* эстетика опираются на признание и бескомпромиссное утверждение корневых основ русской национальной жизни. «Уверуй, – призывает всех нас, сегодняшних, во многом духовно ослабевших, Шукшин, – что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого за понюх табаку» [Шукшин, 1981, 229-230], – словно вглядываясь издалека и прозревая наше драматическое время, *умоляет он нас*, удивляясь русскому долготерпению.

В своем творчестве Шолохов и Шукшин аккумулировали понимание всего бытия, что способно претендовать на вечность. Их романы, рассказы, пове-

сти, пьесы и фильмы – не только эпохальные произведения, они предстают духовной сокровищницей, к которой «не зарастет народная тропа». «В итоге своей творческой деятельности и подвижнической жизни Шолохов мог бы ответить перед любым высоким разбирательством, *ответствовать за все человечество*, каким оно показало себя миру в XX веке... Средства спасения у человечества есть, и они Шолохову известны, Шолоховым указаны. Его книги и мысли указывают мировому искусству на огромные – и при своей широте и дальномерности еще не освоенные – перспективы и возможности...» [там же, 260]. Не менее значимой видится В. Распутину миссия Шукшина: «Если бы потребовалось явить портрет россиянина по духу и лику для какого-то свидетельствования на всемирном сходе, как только по одному человеку решили судить о характере народа, столь многие сошлись бы, что *таким человеком должен быть он – Шукшин*» [Распутин, 1989, 4].

Поэтому инициатива Союза писателей России создать Центр духовного совершенства «Шолохов на все времена» открывает беспрецедентные возможности *идти навстречу и вглубь его творениям*. И она вызывает цепную реакцию в организации по всей России не только шолоховских, но и шукшинских, леоновских, платоновских и многих других форпостов, чтобы *движением спасения* истинной художественной культуры охватить всю страну. С героями творений Шолохова и Шукшина нам не страшно жить в сложном и трудном XXI веке: у нас есть Вера, Душа, Совесть, Надежда и Любовь – значит, вечна Россия, вечен ее народ, значит, не покинута она Богом. Произведения Шолохова и Шукшина стали своеобразным *памятником* неоднозначному времени – советской эпохе, «красной Цивилизации».

Когда приезжаешь в Вешенскую на «Шолоховскую весну» или в Сростки на «Шукшинские дни на Алтае», всегда видишь просветленные, добрые лица. И душа возликует: жива наша Россия, Россия Шолохова и Шукшина! В этом секрет всенародной симпатии к художникам и к их «малой родине». Они необходимы людям как *символ нашего несломленного духа*, как глоток свежего воздуха, как живительный родник, к которому нужно припасть, чтобы обрести новые силы для жизни, для России. Шолохов и Дон, Шукшин и Алтай неразделимы, как неразделимы Дон, Алтай и Россия. Дело не только в том, что

для многих персонажей и сюжетов их произведений местом действия являлась «малая родина». Главное в том, что Дон и Алтай постоянно жили в сердцах своих певцов. Они питали и сохраняли в творцах тягу к национальному и родовому, к поиску красоты, истины и справедливости, обусловили *взгляд в будущее*. Первостепенная *задача духовного возрождения России* виделась ими в необходимости защиты подлинных ценностей национальной культуры с опорой на многовековые духовно-нравственные начала, на собирание и восстановление всех истинных богатств, созданных русским народом за свою многовековую историю. Шукшин завещал: «Нам бы про душу не забыть... Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наши страдания – не отдавай всего этого... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком» [Шукшин, 2009, т. 8, 167].

Заключение

Настоящей Правде, за которую они ратовали, сегодня еще более трудно, чем при их жизни. Поэтому они продолжают быть оппозиционными и новому общественно-политическому укладу в постсоветское время. Актуальность их наследия в родном Отечестве и за рубежом заключается еще и в том, что Шолохов и Шукшин являются славящими Родину, носителями традиций русской духовности, представителями корневой культуры России, переживающей сегодня не лучшие времена. Они необходимы соотечественникам как *опора их национального самосознания*, как мощный источник духовного возрождения и обновления Родины. Гуманистическая направленность и всечеловеческое содержание их творчества оказались созвучны современным духовным исканиям. Шолохов и Шукшин – *художники единения* именно в силу своей народности. Поэтому книги, фильмы, театр их, являясь энциклопедией жизни российской цивилизации, всегда отстаивали идеалы правды, нравственности, справедливости и народовластия, раскрываемые их великими талантами и мудростью. После их ухода стало очевидно, что каждый из них – непреходящая, неизъяснимой притягательности и глубины *тайна* русской литературы, русской жизни и русской души...

Шолохов и Шукшин понимали, куда устремилась современная жизнь, поэтому их ищущие, колеблющиеся герои трудно шагают по ней, не становясь приметой только вчерашнего дня. Они смотрели в корень своего времени, по большому счету, их интересовала сокровенная жизнь всей России, в том числе и их «малой родины», которая «далеко от Москвы», но они открыли и показали то главное, что объединяет десятилетия и века – художественную смелость, гражданское мужество и великую правду жизни. Русские гении, чьи книги в своих высших образцах прямо преемственны великой русской классике, вобрали в себя всю Россию, все ее народные переломы, печали и великие надежды, продолжают оставаться *на службе духовного возрождения Отечества*: формируя активное отношение к действительности, они вместе с народом прокладывают многотрудный путь в будущую Россию.

Библиография

1. Берковский Н.Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Советский писатель, 1989. 496 с.
2. Бондаренко В. Он сражался за Родину! // Завтра. 2005. № 21.
3. Бурков Г. Хроника сердца. М.: Вагриус, 1998. 318 с.
4. Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры // Сущность культуры. Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005.
5. Залыгин С. Почва, на которой стоим // Собеседования. М.: Молодая гвардия, 1982.
6. Катаев И. Творчество социалистического народа // Красная новь. 1935. № 5.
7. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. 739 с.
8. Красников Г.Н. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба. М.: Звонница-МГ, 2002. 496 с.
9. Небольсин С.А. Мировое значение Шолохова // Шолоховская энциклопедия. М.: Синергия, 2012.
10. Палиевский П.В. Шолохов и Булгаков. М.: Наследие, 1993. 118 с.
11. Распутин В.Г. Высота таланта // Литературная газета. 1984. С. 4.

12. Распутин В.Г. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия, 1994. Т. 3. 495 с.
13. Распутин В.Г. Твой сын, Россия, горячий брат наш... // Сов. Россия. 1989.
14. Распутин В.Г., Кожемяко В.С. Эти двадцать убийственных лет. М.: Алгоритм, 2011. 320 с.
15. Стопченко Н.И. «Раздвинув границы познания человека»: Василий Шукшин в англоязычных культурах // Язык. Словесность. Культура. 2012. № 2-3. С. 37-56.
16. «Тихий Дон»: уроки романа. О мировом значении романа. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1979. 144 с.
17. Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1961. Т. 10. 711 с.
18. Шолохов М.А. Россия в сердце. Сборник рассказов, очерков, публицистики. М.: Современник, 1975. 366 с.
19. Шолохов М.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1975. Т. 8. 420 с.
20. Шукшин В. Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.
21. Шукшин В.М. Собрание сочинений в 8 томах. Барнаул: Барнаул, 2009. 536 с.
22. Illés B. Oj Tolsztoj az orosz irodalomban? // 100%. 1929. № 6, Sz. 261.
23. Nemes Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya through Song // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. No. 3. Pp. 415-427.
24. Weiskopf F.C. Der Roman der Donkosaken // Die Linkskurve. 1929. No. 3 S. 34.

M. Sholokhov and V. Shukshin as protagonists of the spiritual revival of Russia

Nikolai I. Stopchenko

Doctor of Culturology, professor,

Yu.A. Zhdanov Don Academy of Sciences for Young Researchers,

344006, 55 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article views M. Sholokhov and V. Shukshin as protagonists of the spiritual revival of Russia. M. Sholokhov and V. Shukshin considered the need for protection of the true values of the national culture, based on centuries-old spiritual and moral principles, the accumulation and reconstruction of all true wealth created by Russian people during their long history, to be the top priority of the spiritual revival of Russia. The Plain Truth and Morality that they fought for find it even more difficult to exist today than at the time the writers were alive. The importance of their artistic heritage in their Homeland and abroad lies in the fact that M. Sholokhov and V. Shukshin are exponents of the native traditions of Russian spirituality and representatives of the core culture of Russia that is now in the doldrums. Their compatriots need them because M. Sholokhov and V. Shukshin are the backbone of their national self-comprehension, a powerful source of spiritual revival of the country. The humanistic orientation of their works is concordant with contemporary spiritual strivings. Their works are the encyclopedia of life in Russia; they have always defended the ideals of truth, morality, justice, and democracy.

For citation

Stopchenko N.I. (2015) M. Sholokhov i V. Shukshin – protagonisty dukhovnogo vozrozhdeniya Rossii [M. Sholokhov and V. Shukshin as protagonists of the spiritual revival of Russia]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 3, pp. 37-58.

Keywords

Protagonists of spiritual revival, self-comprehension of Russian people, Sholokhov epoch, Shukshin epoch, the symbol of the unity of the people, spokesmen for spiritual and social strivings, Russian point of view, spiritual wealth, understanding one's calling.

References

1. Berkovskii N.Ya. (1989) *Mir, sozdavaemyi literaturoi* [The world created by literature]. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ.

2. Bondarenko V. (2005) On srazhalsya za Rodinu! [He fought for his country!] *Zavtra* [Tomorrow], 21.
3. Burkov G. (1998) *Khronika serdtsa* [Chronicles of the heart]. Moscow: Vagrius Publ.
4. Illés B. (1929) Oj Tolsztoj az orosz irodalomban? *100%*, 6, p. 261.
5. Kataev I. (1935) *Tvorchestvo sotsialisticheskogo naroda* [Creative works of the socialist people]. *Krasnaya nov'* [Red virgin soil], 5.
6. Korol'kov A.A. (2006) *Dukhovnyi smysl russkoi kul'tury* [Spiritual significance of Russian culture]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena.
7. Krasnikov G.N. (2002) *Rokovaya zatsepka za zhizn', ili V poiskakh utrachenogo Neba* [Fatal clinging to life, or In search of lost Heaven]. Moscow: Zvonitsa-MG Publ.
8. Nebol'sin S.A. (2012) *Mirovoe znachenie Sholokhova* [The global importance of Sholokhov]. In: *Sholokhovskaya entsiklopediya* [Sholokhov encyclopedia]. Moscow: Sinergiya Publ.
9. Nemeč Ignashev D. (1988) The art of Vasilij Shukshin: Volya through Song. *Slavic and East European journal*, 32 (3), pp. 415-427.
10. Palievskii P.V. (1993) *Sholokhov i Bulgakov* [Sholokhov and Bulgakov]. Moscow: Nasledie Publ.
11. Rasputin V.G. (1994) *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 vol.]. Vol. 3. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
12. Rasputin V.G. (1989) Tvoi syn, Rossiya, goryachii brat nash... [Your son, Russia, our passionate brother...] *Sov. Rossiya* [Soviet Russia], 25th June, p. 4.
13. Rasputin V.G. (1984) Vysota talanta [Greatness of talent]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 29th Feb.
14. Rasputin V.G., Kozhemyako V.S. (2011) *Eti dvadtsat' ubiistvennykh let* [These twenty devastating years]. Moscow: Algoritm Publ.
15. Sholokhov M.A. (1975) *Rossiya v serdtse. Sbornik rasskazov, ocherkov, publitsistiki* [Russia in the heart. Collected stories, essays and articles]. Moscow: Sovremennik Publ.
16. Sholokhov M.A. (1975) *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works: in 8 vol.]. Vol. 8. Moscow: Pravda Publ.

17. Shukshin V.M. (2009) *Sobranie sochinenii v 8 tomakh* [Collected works in 8 volumes]. Barnaul: Barnaul Publ.
18. Shukshin V. (1981) *Voprosy samomu sebe* [Questions to ask yourself]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
19. Stopchenko N.I. (2012) "Razdvynuv granitsy poznaniya cheloveka": Vasilii Shukshin v angloyazychnykh kul'turakh ["He has expanded human frontiers of knowledge": V. Shukshin in English-language cultures]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 2-3, pp. 37-56.
20. *"Tikhii Don": uroki romana. O mirovom znachenii romana* ["Quiet flows the Don": lessons from the novel. On the global importance of the novel] (1979). Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
21. Tolstoi A.N. (1961) *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 vol.]. Vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ.
22. Weiskopf F.C. (1929) Der Roman der Donkosaken. *Die Linkskurve*, 3, S. 34.
23. Zalygin S. (1982) Pochva, na kotoroi stoim [The ground on which we stand]. In: *Sobesedovaniya* [Interviews]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ.
24. Zhdanov Yu.A. (2005) Problemy teorii i istorii kul'tury [Problems of theory and history of culture]. In: *Sushchnost' kul'tury* [The essence of culture]. Rostov-on-Don: Nauka-press Publ.